

НАШЕ ОРУЖИЕ – СЛОВО

Когда грибы цветут...

ЮМОР И ФАНТАСТИКА

Сергей Ходосевич
Когда грибы цветут...
Юмор и фантастика

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43018816
ISBN 9785005005311*

Аннотация

Кто-то скажет, что юмор и фантастика не сочетаются вместе... Но в большей своей части мы выбрали рассказы наших авторов именно в жанре юмористической фантастики. Правда пришлось разбавить этот сборник немного мистикой и конечно же юмористической поэзией и прозой. А название этому сборнику дал рассказ автора Наталии Сычевой, что гармонично вписался сюда и привлечет внимание читателя.

Содержание

Анашкин Сергей	5
Однажды в гараже	6
Про космос	9
Валеев Марат	11
Сорванный контакт	12
Зеркало	14
Баня	18
Факир-макир	23
Рыбацкие байки	27
Ибо не фиг!	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Когда грибы цветут...

Юмор и фантастика

Редактор Сергей Ходосевич

ISBN 978-5-0050-0531-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Кто то скажет, что юмор и фантастика не сочетаются вместе... Но в большей своей части мы подобрали рассказы наших авторов именно в жанре юмористической фантастики. Правда пришлось разбавить этот сборник немного мистикой и конечно же юмористической поэзией и прозой. А название этому сборнику дал рассказ автора Наталии Сычевой, что гармонично вписался сюда и привлечет внимание читателя.

Анашкин Сергей

Однажды в гараже

Петрович наливал...да не по малу!
Когда собрались вместе мужики,
Что б воскресить чуть жигулёнок,,Ладу,,
И вечер пятницы недаром провести!

...Сначала было тихо и прилично,
Вопрос один-как сделать,,Жигуля,,?
А в головах пунктиром, красной нитью-
Как дальше жить-в карманах ни рубля!?

Рукой мазутной, чуть коснувшись уха,
Петрович крякнул, глядя в потолок:
– Вот ты владелец,,Жигуля,,Петруха..
И грозно так:-Пузырь чтоб приволок!

Закон гаражный-надо, значит надо-
Не мог он этой просьбе отказать!
Сообразил Петруха, что у бабы,
Деньжонок можно на запчасти взять.

И вот гараж наполнил звон стаканов!
Погромче завязался разговор,
О том, какие всё же стервы бабы!

Да и том, что с водкой недобор!..

Прикуривая спичкой папиросу,

Ванюха ласково и тихо произнёс:

– Вот ты, Петруха, ответь на мой вопросик-

...А обойдётся,,Лада,,без колёс?

Петруху враз, в момент перекосило,

И челюсть в сторону так здорово свело:

– Ты что Иван? Тогда мне тут могила,

Жена балонником вот здесь же и уьёт!

Петрович хмыкнул с горя иль досады,

Рукой мазутной волосы собрал,

Сказал он коротко одно лишь слово,,НАДО!,,

Судьбу покрывок он без споров порешал!.

.

Иван с улыбкой взялся за балонник,

Петруха нехотя искал в углу домкрат-

Он вмиг представил, как его хоронят..

Да чему быть, того не миновать!

Петрович наливал от всего сердца,

Рукой мазутной, с кучей мозолей.

А в гараже, распахнутая дверца

Играла музыку несмазанных петель...

..Чирикнул утром воробей смешно и нагло,
Сметая закуси остатки со стола..
А в гараже, в обнимку спали сладко,
Три друга и в карманах ни рубля!

Про космос

На орбитальной станции аврал-
Пожитки уж давно по чемоданам,
За ними завтра прилетит корабль,
Домой умчит к любимым жёнам, мамам.

Два русских космонавта на борту
Сбривают многодневную щетину,
И астронавта Джо в аэропорту
Супруга Кэт встречает с младшим сыном.

И вот уж переделаны дела-
Пора за стол, за дружбу всех народов!
По пятьдесят водяры, коньяка
Принять на грудь или точнее хлопнуть!

Достали тубики с заначек и они
Подняв над головою что налито,
Тост за мужское братство изрекли:
– Чтоб до конца! -Навеки! -Не забыто!!!

В разгар объятий Фёдор произнёс:
– Вы мужики, слышали что творится?
Трамп с Путиным пошли уже в разнос-

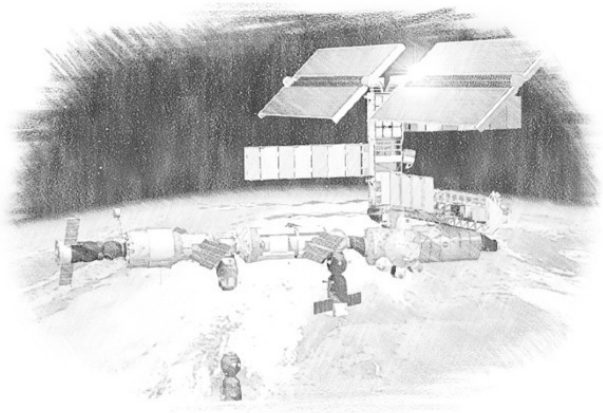
Не может NASA, ну никак уговориться!

На Джо сошлись два русских пьяных взгляда

И по спине его мурашки понеслись..

Иван с улыбочкой:-Братишка, тебе надо

Ловить попутку и катиться до Земли!

Валеев Марат

Сорванный контакт

Над головой Огурцова что-то профукало, и на дорогу перед ним приземлилась... тарелка!

– Ни фига себе! – присвистнул Огурцов. Он подошел поближе. От тарелки вкусно пахло.

«Суп, что ли? – подумал Огурцов. – А с чем?».

«А с чем бы вы хотели, господин землянин?» – вдруг прочитал Огурцов ответ, исходящий из тарелки, у себя в голове.

«Ни фига себе!!» – еще больше удивился Огурцов. Про себя. А этим, в тарелке, сказал:

– Вообще-то я бы не отказался от харчо.

«Две тысячи рублей за порцию! – объявила тарелка. – Нам дозаправиться нужно».

– Ни фига себе!!! – закричал Огурцов. – Совсем вы там оборзели, что ли? Да мне за такие бабки харчо в кабаке на серебре подадут. А ваша лоханка шут знает из какого металла склепана. Может, радиация сплошная. И суп непонятно из чего сварганен. Вон как воняет. Нет, уж пошли вы на фиг!

Огурцов пнул тарелку и пошел себе дальше. Тарелка опрокинулась набок, задымила, запарила. Так был сорван контакт с внеземной цивилизацией.

Зеркало

Полосухин с трудом оторвал голову от подушки, посмотрел на часы. Был уже полдень, за окном оживленно шумел трудолюбивый город, население которого давно проснулось и, позавтракав, разошлось по своим рабочим местам. А Полосухин снова валял дурака. Он вздохнул и поплелся в ванную. Посмотрел на себя в зеркало и брезгливо сморщился: – Ну и рожа!

Да уж: на него уставился небритый тип с одутловатой физиономией и пудовыми мешками под глазами. Он тоже смотрел на Полосухина с отвращением. Полосухин вздохнул и стал с ожесточением елозить зубной щеткой во рту. И вдруг понял, что тот Полосухин, который в зеркале, продолжает смотреть на него с той же брезгливой ухмылкой. Но зубы при этом не чистит.

Полосухин потряс головой, зажмурился, опять открыл глаза. Тот, в зеркале, продолжал его презирать.

– Ч-черт, уже глючить начал, – пробормотал Полосухин, выронив изо рта щетку. Он потянулся трясущейся рукой к зеркалу, ожидая аналогичное движение своего отражения. Тот, в зеркале, молча помотал головой и своей руки к руке

Полосухина не протянул.

– Ты кто? – испуганно спросил Полосухин.

– А то не знаешь, – въедливо сказал визави голосом Полосухина. – Совесть твоя!

– А почему я тебя раньше не видел?

– Терпение лопнуло. Погляди, на кого ты стал похож!

Полосухин непроизвольно огладил свою одутловатую ключую физиономию.

– Что, не нравлюсь? – спросило отражение ехидно. – А представь, что скажет Люся, когда увидит такого красавца... Впрочем, не увидит. Она уже давно с другим. Надоел ты ей.

– А ты откуда знаешь?

– Я не только это знаю. Ты когда в последний раз был на работе?

– Ну, неделю назад. Так я же взял без содержания.

– Взял неделю, а пьешь уже три.

– Не может быть! – усомнился Полосухин. – Шеф меня бы уже давно вытащил в контору.

– Он был здесь, – объявила Совесть. – Да только ты у него сначала сто баксов занял, а потом с лестницы спустил. Так что нет у тебя больше работы. Ничего у тебя нет.

– А ты?

– И меня нет!

Изображение сделало Полосухину ручкой и медленно растаяло.

– Ах, ты так! – взбесился Полосухин, схватил с полочки флакон одеколona и запустил им в зеркало. Оно треснуло и верхняя половинка его со звоном осыпалась на кафельный пол. Полосухин еще и злорадно плюнул в оставшуюся часть зеркала, повернулся и сделал шаг к выходу. И в следующий момент вылетел из ванной как пробка. Потому что ему кто-то дал здоровенного пинка. Оставшегося осколка стекла как раз хватало, чтобы из него протиснулась чья-то нога с этим самым пинком.

– Это что же, выходит, что моя совесть, то есть я сам себе, дала... дал пинка? – горестно бормотал Полосухин, сидя на полу и поглаживая ушибленную часть своего непутевого организма. – А что может быть дальше? Все, завязываю с таким образом жизни!

И ведь завязал! А вскоре Полосухин снова стал отражаться в зеркале. Это к нему вернулась его совесть...

Баня

Хохот, треск костяшек домино и болтающаяся высоко на шесте оранжевая майка – вот что увидел у себя на объекте мастер Милентьев, когда вернулся из прорабской.

– Совсем разболтались! – сурово сказал он. – Живо за работу!

Строители разбрелись по объекту. Холостяк Игнашкин полез за майкой, которую он выстирал между делом.

Внезапно раздалось жужжание. Прямо на недостроенную баню опускалась какая-то оранжевая кастрюля. Из ее блестящего бока выдвинулась скрюченная клешня, помяла майку Игнашкина и затащила внутрь. Скряга Игнашкин отважно запустил в небесного пришельца кирпичом. Корабль дрогнул и опустился на баню. Послышался треск, грохот, и баня... развалилась!

Из кастрюли высыпало с полдюжины странных существ: с хоботками вместо рук, руками вместо ног. Впереди, бодро переставляя руко-ноги, вышагивало одно из этих существ, сжимая в хоботках майку Игнашкина. Видимо, главный у них.

Милентьев мрачно спросил:

– Вы кто такие? Зачем объект порушили?

Главный щелкнул каким-то аппаратом. Аппарат металлическим голосом сказал:

– Мы есть инопланет. Мы принять ваш сигнал и прибыть к вам дружба энд сотрудничь.

Строители продолжали молчать.

– Вы имейт, как это, душевный расстройство? С чем это завязано? – обратился инопланетянин к Милентьеву.

– Баню вы мне угробили, – с укором сказал мастер. – Вот с чем это завязано.

– Что такой банья? – поинтересовался аппарат-переводчик.

– Моемся мы в ней иногда, – ввел инопланетян в курс дела Милентьев. – Чаще по субботам.

И показал чертежи. Старший инопланетянин азартно засопел:

– Это для нас есть порожний дело...

Пришельцы, орудуя какими-то инструментами, в мгновение ока разобрали завал. Их затянуло облаком пыли...

А когда пыль осела, строители увидели красавицу баню: веселую, изящную, как бы невесомую.

– Что это? – потрясенно спросил Милентьев.

– Бань-я! – хвастливо сказал вожак инопланетян.

– Вот это да! – первым очнулся Игнашкин. Он забежал вовнутрь и крикнул восхищенно:

– Шик-модерн!

Инопланетяне скромно помалкивали.

– Так-то оно так, – рассеянно бормотал Милентьев, обходя великолепное, прямо-таки неземное строение. – Эх, хоть и жаль, а делать нечего. В общем, так, парни: вот тут в углу содрать плитку, здесь – разбить стекло, соседнее заляпать... Да двери, двери не забудьте перекосить. Облицовочку снаружи кое-где поколупайте, да позаметнее чтобы было.

– Может, не надо, а? – просительно сказал Сазонов и всхлипнул. – Красота-то ведь какая!

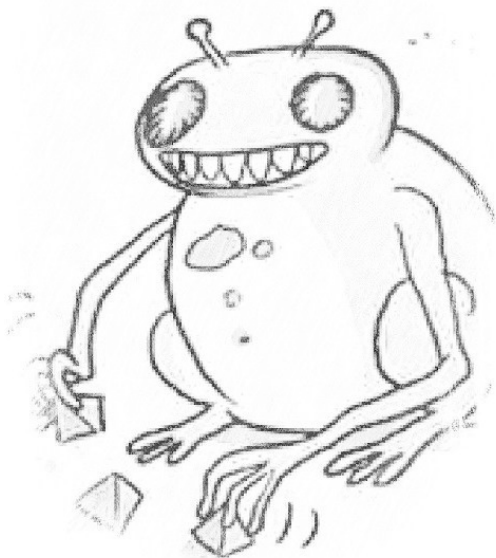
– Вот потому и не сойдет! – жестко ответил бригадир. – С нас же потом не слезут. Будут требовать такое же качество. А мы что можем? Ну, дошло? То-то! За работу, орлы!

И «орлы» стали скрести, отдирать, ломать – только шум пошел.

– У нас так не делать. Мы вас не понять... Контакт не есть быть, – печально покаркал переводчик. – Прощевайтесь...

Инопланетяне, обиженно сопя, гурьбой повалили к своей кастрюле, задраились и взмыли в небо.

– Расстроились ребята, что ли? – сконфуженно пробормотал Милентьев. – Ну и зря. Не по-нашенски это!

Факир-макир

– Дядя Карим, ты чего такой взъерошенный?

– Э-э, балам, вот сижу, полисыя жду.

– Зачем, кто ее вызвал?

– Я и вызвал.

– А что случилось-то?

– Что-что... Пошел на смена, забыл пропуска. Возвращаюсь, стучаю в дверь. А мне не открывают.

– Может, тетя Фарида куда вышла?

– Куда? Ночь ведь. Я опять стучаю. Наконец, открывает мне моя Фарида, моя жаным*. И какой-то она шибко ласковый. Как будто я полушка принес.

– Так у тебя получка неделю назад была, дядя Карим. Мы еще с тобой на нее пива попили.

– Вот-вот! Еще триста рублей остался, я жена отдал. Э-э, думаю, жаным, меня на мягкий хлеб не проведешь! Кино смотрю, этот, как его, анекдоты слушаю. Я в шипонер. А там – сидит! Голый, слушай, ножки крендель сделал и шалма на голова!

– Ух ты! Мулла, что ли?

– Тьфу на тебя, Петька! Этот шалма на его голова был мой шарф! Ага, думаю, вор, мой вещь хотел украсть! Жена пугал, вон сама не свой к свой мама убежал! Сейчас, говорю, svolишь, я тебе секир-башка* сделаю, обрезание ясым*! Я

его поймал за этот...

– Прямо за...?

– Еще раз тьфу на тебя! За рука! Ташу его как баран из сарай и кричу: «Ты кто, зачем на мой шкаф поселился?». А он мне: «Я йог, йог!». Слышишь, брат Петька, на глаза мне врет, говорит, «йок» его тут. Как же йок*, когда бар*?

– Хе-хе, дядя Карим, йог – это вроде факира!

– Ну да, он потом так и сказал, что он – факир-макир, мой жена лешит. Это без штана лешит?! Я хватаю его за горла, а он кричит: «Уйди, я в астрале!» Я понюхал – тошно! И в шкафа, и на пол! Чушка какой-то, а не факир!

– Ой, не могу! Дядя Карим, в астрале – это когда душа из человека выходит...

– Она у этот факир-макир и вышла. Он лежит на свой... асрал, весь сасык*... вонющий, и еще издевается: я, говорит, не рваный...

– В нирване!

– Был не рваный, Петька, был! А теперь вот сижу, полисыя жду. Сам вызвал! Тюрма теперь буду жить.

– погоди, дядя Карим! Вон, смотри, это не твой факир, босиком и в одних трусах побежал? Ату его, ату!

– Он, сволишь! Сейчас догоню, дорву ему все, что осталось, чтобы совсем йок стал! Тюрма буду жить! Я такой шеловек!

– Да ну его, дядя Карим! Пошли ко мне лучше пиво пить, у меня получка была!

– Полушка? Это, балам, хорошо! Но как меня потом моя Фарида, моя жаным, меня найдет?

– Найдет, дядя Карим, не сомневайся! Бабы – они всегда и везде, всё и всех находят! Хоть русские, хоть татарские, хоть каковские!

– Правильные твои слова, иптяш* Петька! Ну, тогда пошли к тебе пиво пить!

Рыбацкие байки

Мокрое дело

Как-то мой братишка пришел домой с десятком тускло-золотых карасей за пазухой. А отец наш был заядлый рыбак, потому и сразу спросил брата, где и как он наловил таких красавцев. И брательник сообщил ему, что это он с соседом Ванькой Рассохой намутил в Кругленькой ямке (озерцо такое небольшое).

Для непосвященных поясню, что значит «намутить». В небольшой водоем – как правило, ложбину в пойме, в которой после весеннего половодья остается рыба, когда река возвращается в свои берега, – залезают несколько человек, и ну давай вздымать ногами донный ил.

Через некоторое время задыхающаяся рыба высовывается из воды, чтобы глотнуть свежего воздуха, людей посмотреть, себя показать. Вот тут-то не зевай, знай, хватай ее и выкидывай на берег. Сам я так никогда не ловил рыбу и не видел, как это делается. Но рассказывали.

– А ну, сынок, пошли! – воодушевленно сказал отец, хватая ведро. – Сейчас мы карасиков-то натаскаем.

– Папка, я устал, и живот чего-то болит, – заныл братишка.

– Пошли-пошли, покажешь, в каком месте мутить надо!

Отец не любил, когда ему возражали. А тут его еще охватил азарт. И братцу ничего не оставалось делать, как подчиниться. Они долго прыгали и ползали по Кругленькой ямке, пока вся вода в озере не стала коричневой. На поверхность всплыли парадохлых лягушек да возмущенные жуки-плавунцы, водоросли. Карасей же не было. До отца начало что-то доходить.

– Сынок, – сказал он ласково. – Скажи, где взяли карасей, и тебе ничего не будет.

Ну, брат выбежал подальше на берег, на всякий случай заревел и признался, что карасей они с Ванькой натрусили из чужого вентеря. И совсем на другом озере, Долгом. Оно большое, и мутить его замаешься. А правду сказать он забоялся.

– Ах ты, жулик! – сплюнул ряской отец и захохотал. Но брата наказывать не стал. Потому что карасей-то он добыл из браконьерской снасти...

А бабочки крылышками «бьяк-бьяк-бьяк!»...

Дело было на Иртыше. Я собрался с вечера на рыбалку: накопал червей, приготовил удочку и закидушку. А душной ночью на улице... пошел снег.

За окнами, в свете уличных фонарей, беспорядочно метались мириады крупных снежных хлопьев. На самом же деле это был не снегопад. Каждый год в июне в одно и то же время из глубин Иртыша вылетает бесчисленное множество белесых бабочек-однодневок, в которых переродились живущие на дне реки в глинистых норках страховидные личинки мотыля (или, как его называют иртышане, «бормыша»).

Эти бабочки живут считанные часы – их задача отложить яйца на берегу, а то и водной глади, и навсегда сложить свои хрупкие крылышки. Но если где-то рядом есть населенный пункт, бестолковые бабочки миллионами устремляются на свет горящих фонарей, бьются о стекла квартир с не выключенным еще освещением и откладывают свои яйца уже где попало.

Увидев эту круговерть за окном, я понял, что рыбалка пропала: к утру вся береговая поверхность реки будет завалена трупиками однодневок, которыми будет обжираться рыба. На червя уже не посмотрят ни степенный чебак, ни суевликий елец, ни даже ненасытный ерш.

Но еще была надежда, что вот на бабочку-то они и могут клюнуть. И я придумал, как заготовить однодневок, не выходя из дома. Я просто оставил включенным в зале свет, открыл настежь балкон и спокойно улегся спать, предполагая встать утром пораньше и собрать налетевших за ночь мотылей. Уж на консервную-то банку их наберется, а больше мне и не надо.

Будильник сработал вовремя. За окном спальни было уже светло. Позевывая, я открыл дверь в зал и буквально очумел. Комната была завалена сугробами! И эти сугробы еще копошились.

Бабочки были везде. Под их толстым слоем не было видно ни пола, ни стола, ни дивана! Вообще ничего, кроме стен и потолка. Да и они были частично облеплены вездесущими крылатыми насекомыми.

В общем, на рыбалку в тот день я не пошел. И на работу тоже – по крайней мере, до обеда. Битых несколько часов, проклиная все на свете, я сначала при помощи совковой лопаты, а потом уже просто веника и совка выгребал на балкон, а оттуда сваливал на улицу килограммы и килограммы бабочек. А потом еще и отчищал квартиру от липкой яичной массы – ведь эти крылатые монстрики успели отложить свое

ПОТОМСТВО!

«Эй, на судне!...»

Однажды приехал я в свою деревушку из райцентра, где я тогда работал, на выходные и в воскресенье отправился на рыбалку. Клевало на Иртыше в тот день просто замечательно, и в садке становилось все теснее от ельцов, окуней, сорог, подъязков.

Время летело незаметно. А мне к двум часам дня надо было успеть на автобус – завтра с утра на работу. И как назло, часы я забыл дома, а на берегу в этом месте, недалеко от подъема в деревню, я был один.

И тут послышался рокот – мимо проплывал пассажирский теплоход на воздушной подушке «Заря». У моей деревеньки пристани не было. Да «Заре» она и не нужна была: обычно, завидев людей, стоящих у таблички с названием деревни, капитан наезжал носом судна прямо на берег.

Я в тот день рыбачил как раз неподалеку от этой самой таблички. На «Заре» меня увидели и сбавили ход, раздумывая, пассажир я или просто так.

«Вот кто мне скажет время!» – обрадовался я и призыв-

но замахал рукой. «Пассажир», – поняли на «Заре». И судно направилось к берегу. На носу стоял матрос, готовясь скинуть мне трап. В рулевой рубке с папиросой в зубах торчал капитан, с кормы выглядывал шкипер.

– Не надо приставать! Не надо! Я не поеду с вами! – закричал я, силясь перекрыть рокот двигателя. – Скажите только, сколько времени?

Шкипер приложил ладонь к уху:

– Чего?

– Этот рыбачок время спрашивает, – обиженно прокричал матрос.

– Полвторого, – рыкнул высунувшийся из рубки капитан.

– Спасибо, – вежливо сказал я. – Ехайте дальше.

...Бросив судно на произвол судьбы, они все втроем гнались за мной почти до самой деревни. Но потом опомнились и повернули обратно. Во-первых, родная деревня меня в обиду бы не дала. Во-вторых, непришвартованную «Зарю» могло унести течением без экипажа.

– Лучше больше нам не попадайся! – пригрозили мне на прощание речные волки. Нашли дурака. С тех пор, если мне надо было сплавать в соседний райцентр, я в своем са-

дился только на «Ракету»...

Ибо не фиг!

В дверь позвонили. Пальчиков открыл. На пороге стоял полицейский с погонами старшего лейтенанта.

– Участковый уполномоченный Сергей Махмутко, – козырнул страж порядка. – Разрешите вопрос.

– Разрешаю, – сказал Пальчиков.

– Тут у вас во дворе ночью сняли колеса с машины гражданина Филикиди. Вы, случайно, не видели, кто это сделал?

– Нет, не видел. Я ночью, знаете ли, сплю, а не плююсь в окна, как некоторые. И не сижу часами у подъезда...

– Это что за намеки? – послышался воинственный голос.

В прихожую, где вели содержательную беседу Пальчиков с полицейским Махмутко, вышла из гостиной Евлампия Аркадьевна, теща Пальчикова.

– Да ни на что я не намекаю, – тут же стушевался Пальчиков. – Просто говорю, в окна смотрят те, кому делать нечего. А в нашей семье все заняты. Так же, Евлампия Аркадьевна?

– А в чем, собственно дело? – пропустила ремарку зятя Евлампия Аркадьевна. – Ну, открутили колеса с машины этого прохиндея. А ты не ставь ее на газон!

– Так может, вы что-нибудь видели? – обрадовался старший лейтенант Махмутко, давно уже жаждущий стать капитаном. – Подождите, я сейчас блокнот вытащу.

– Нет, лично я этот момент каким-то образом пропустила, – с сожалением сказала Евлампия Аркадьевна. – Но что касается персоны самого Филикиди, этого, с позволения сказать, делового человека, у меня сведений накопилось столько, что, боюсь, вам вашего блокнотика не хватит.

– Да? А что такое? – заинтересованно спросил пока еще старший лейтенант Махмутко.

– А вот то! – таинственно сказала Евлампия Аркадьевна. – Впрочем, что же мы стоим здесь? Пройдемте-ка на кухню, молодой человек! Я вам поведаю некоторые подробности из жизни этого самого субъекта. Думаю, вам будет интересно.

И они нетерпеливо протопали мимо озадаченного Пальчикова на кухню и закрылись там.

В прихожую участковый уполномоченный вернулся не раньше чем через час. Он был бледен и взволнован, а глаза у него пылали праведным гневом.

– Ну, большое спасибо вам, – воодушевленно тряс он руку Евлампии Аркадьевне. – За наблюдательность и активную

гражданскую позицию. А не то, что некоторые...

Участковый укоризненно посмотрел на Пальчикова и выкатился за дверь.

Слышно было, как почти уже капитан Махмутко ожесточенно затопал по лестнице вверх. К квартире того самого Филикиди.

– Что вы ему наговорили про человека, Евлампия Аркадьевна? – с некоторым недоумением, смешанным со страхом, спросил Пальчиков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.